

УДК 343.1

ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЛЕ ВВЕДЕНИЯ НОВОЙ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО РОССИИ

© 2018

П. Г. Марфицин

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Произведен обзор новой для Уголовного процессуального кодекса Российской Федерации меры пресечения – «Запрет определенных действий». На основе сравнительно-правового анализа раскрыты особенности механизма запрета определенных действий в отечественной правовой системе. Произведено разграничения запрета определенных действий от иных мер пресечения. Определены основные технико-юридические погрешности рассматриваемой новеллы.

Ключевые слова: меры пресечения, запрет определенных действий, уголовно-процессуальное законодательство.

П. Г. Марфицин

*Профессор кафедры уголовного права и процесса
Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского, доктор юридических наук*

Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. N 72-ФЗ в уголовное судопроизводство введена новая мера пресечения «Запрет определенных действий» (ст. 105.1 УПК РФ)¹. Такой шаг законодателя побудил сформировать несколько суждений, которые мы представляем вашему вниманию.

Система мер пресечения в российском уголовно-процессуальном законодательстве является достаточно стабильной. Как правило, она претерпевает изменения (да и то не фундаментальные) одновременно с принятием нового уголовно-процессуального кодекса. Хотя научные исследования в этой части не прекращаются.

Так, на стыке тысячелетий для стран СНГ был разработан Модельный уголовно-процессуальный кодекс, который должен был стать фундаментом для формирования национального уголовно-процессуального законодательства. В пятом разделе этого документа содержится перечень мер пресечения, к которым отнесены: 1) арест; 2) домашний арест; 3) залог; 4) подписка о невыезде; 5) личное поручительство; 6) поручительство организации; 7) передача под надзор полиции; 8) передача под присмотр; 9) передача под наблюдение командования; 10) отстранение от должности².

Российский законодатель не пошел путем кардинального изменения системы мер пресечения, хотя ряд новелл в эту сферу привнес. Поэтому система мер пресечения в нашей стране претерпела минимальные изменения, чего нельзя сказать о странах, некогда входивших в СССР в качестве союзных республик.

Так, в законодательстве Латвийской Республики, наряду с другими, появилась мера пресечения, по-

именованная «Запрет на определенные занятия» (ст. 243 УПК Латвийской Республики). В законе содержится несколько норм, устанавливающих общие правила ее применения (ст.ст. 244, 245, 246, 249 УПК ЛР). Однако сами законоустановления об этой мере принуждения весьма лаконичны. Приведем их дословно.

«Статья 254. Запрет на определенные занятия

(1) Запретом на определенные занятия является установленный постановлением направляющего процесс лица запрет подозреваемому или обвиняемому временно осуществлять занятия (выполнять действия) определенного вида или исполнять конкретные должностные (трудовые) обязанности.

(2) Постановление о запрете на определенные занятия направляется для исполнения работодателю лица или другому соответствующему учреждению.

(3) Постановление, упомянутое в части первой настоящей статьи, является обязательным для любого должностного лица и подлежит исполнению в течение трех рабочих дней с момента его получения. О начале исполнения постановления должностное лицо сообщает направляющему процесс лицу»³.

Отметим важный для формирования наших суждений момент: для применения этой меры принуждения не требуется судебного решения.

Аналогичное явление имеет место в законодательстве Республики Беларусь⁴ и Республики Армения. Конечно, имеются и свои особенности. Например, в Республике Армения эта мера пресечения поименована «Временное прекращение занятия должности» (ст. 152 УПК РА)⁵. По законодательству Азербайджанской Республики одной из мер пресечения также является отстранение от должности. В УПК Азербайджанской Республики (далее – УПК АР) отмечено, что эта мера состоит в запрете исполнения подозреваемым или обвиняемым своих должностных полномочий, продолжения им выполняемой работы или осуществляемой деятельности (ст. 172). При этом использованный в статье 154 УПК АР подход, на первый взгляд, позволяет сделать вывод о том, что отстранение от должности может быть применено только в качестве одной из мер пресечения. Но далее по этому поводу имеется оговорка, в соответствии с которой «отстранение от должности может быть избрано как в качестве основной меры пресечения, так и в виде дополнения к одной из других мер пресечения» (ст. 154.4 УПК АР)⁶.

Более детально рассматриваемые нами отношения урегулированы в законодательстве Украины. В

УПК этой страны содержится второй раздел, который назван «Меры обеспечения уголовного производства». К таким мерам, в частности, отнесены временное исключение имущества; арест имущества; задержание лица; меры пресечения (ст. 131 УПК Украины⁷). В рамках рассматриваемых вопросов нам интересны две из них: временное ограничение в пользовании специальным правом и отстранение от должности.

Суть первой из них состоит в том, что при наличии предусмотренных законом оснований следователь, прокурор, другое уполномоченное служебное лицо имеют право временно изъять документы, которые удостоверяют пользование специальным правом лица. Временно изъятыми могут быть документы, которые удостоверяют пользование таким специальным правом, как право управления транспортным средством или судном; право охоты; право на осуществление предпринимательской деятельности (ст. 148 УПК Украины).

Отстранение от должности, в соответствии со ст. 154 УПК Украины, может быть осуществлено относительно лица, которое подозревается или обвиняется в совершении преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления, и независимо от тяжести преступления относительно лица, которое является служебным лицом правоохранительного органа.

И первая, и вторая меры принуждения применяются по судебному решению на срок до двух месяцев. Во втором случае имеется возможность продления этого срока.

Таким образом, законодательная новелла, представшая ученым и практическим работникам в связи с принятием Федерального закона от 18 апреля 2018 г. N 72-ФЗ не является принципиально новым, ранее неизвестным уголовному судопроизводству явлением. Нечто подобное имеет место в странах, которые ранее являлись представителями единой правовой системы.

Естественно, что самое интересное заключается в рассмотрении сути меры пресечения, адаптации ее к национальному законодательству, перспективной востребованности и эффективности, а также в иных частностях. На этих вопросах остановимся подробнее.

В части 1 ст. 105.1 УПК РФ законодатель изложил суть рассматриваемого запрета определенных действий. При этом, на наш взгляд, имеет место ряд погрешностей как технико-юридического, так и смыслового характера. Несколько из них содержит-

ся буквально в начальной фразе указанной нормы. Здесь законодатель указывает: «Запрет определенных действий в качестве меры пресечения...»⁸. Не ясно, зачем еще раз обращено внимание на то, что запрет определенных действий является мерой пресечения. Это четко обозначено в дополненном ст. 98 УПК РФ пункте 4.1. О чем идет речь, можно догадаться и по размещению ст. 105.1 УПК РФ в главе, поименованной «Меры пресечения». Кроме того, других запретов осуществлять определенные действия в уголовном судопроизводстве не используется. Кстати, таким же образом начинается ч. 2 ст. 105.1 УПК РФ.

Указанная выше фраза продолжена словами «... избирается по судебному решению...». Юридическая ценность ее здесь практически ничтожна, поскольку буквально в ч. 2 ст. 105.1 определено, что такая мера пресечения применяется в порядке, установленном ст. 108 УПК РФ. Кроме того, в последующих частях указанной статьи имеет место детализация этой процедуры.

Анализируемый текст ч. 1 ст. 105.1 УПК РФ продолжен словами: «в отношении подозреваемого или обвиняемого...». Нахождение здесь упоминания об этих субъектах, на наш взгляд, можно объяснить лишь желанием законодателя напомнить нерадивому правоприменителю, что меры пресечения используются только в отношении подозреваемого или обвиняемого. Иную смысловую нагрузку в этом обнаружить достаточно проблематично.

Далее обозначено, что суть этой меры пресечения заключается в возложении на подозреваемого или обвиняемого обязанностей: 1) своевременно являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд; 2) соблюдать один или несколько запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

Здесь говорится и об осуществлении контроля за соблюдением возложенных запретов. Но надо полагать, что эта фраза обращена к иным субъектам, в частности, обозначенным в ч. 11 ст. 105.1 УПК РФ. Такую оговорку мы вынуждены были сделать ввиду некоторой некорректности изложенных законоустановлений.

В части 1 ст. 105.1 УПК РФ содержится указание о том, что запрет определенных действий может быть использован только при невозможности применения иной, более мягкой меры пресечения. Кстати, подобные формулировки встречаются и в других установлениях закона (например, касающихся домашнего ареста). Вместе с тем законодатель нигде

не разграничивает меры пресечения по их мягкости. Единственное, по нашему мнению, что может служить в данном случае ориентиром, это структура ст. 98 УПК РФ. Представляется, что там меры пресечения обозначены от самой мягкой до самой строгой. Именно поэтому, вводя новую меру пресечения, законодатель дополнил ст. 98 УПК РФ не п. 8, а п. 4.1. Таким образом, меры пресечения, указанные в п.п. 1–4 данной статьи, следует считать более мягкими по отношению к запрету определенных действий.

Завершает текст ч. 1 ст. 105.1 УПК РФ фраза «Запрет определенных действий может быть избран в любой момент производства по уголовному делу». Вместе с тем закон не ограничивает применение ни одной меры пресечения в зависимости от стадии производства по уголовному делу. Предполагается, что это правило должно касаться и вновь введенной меры. Другое дело, если бы законодатель предусматривал какие-либо исключения в этой сфере. В данном же случае использованная оговорка лишена какого-либо смысла.

Рассмотрим те запреты, которые позволяет использовать законодатель. Но прежде обратим внимание на то, что в ч. 1 ст. 105.1 УПК РФ на первом месте указана обязанность своевременно являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд. Это явно не запрет. И такая обязанность в систему запретов, обозначенных в рассматриваемой статье, укладывается с трудом. В то же время она является составной частью таких мер пресечения, как подписка о невыезде и надлежащем поведении (ст. 102 УПК РФ), личное поручительство (ч. 1 ст. 103 УПК РФ), наблюдение командования воинской части (ч. 1 ст. 104 УПК РФ), присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым (ч. 1 ст. 105 УПК РФ), залог (ч. 1 ст. 106 УПК РФ). Кроме того, существует самостоятельная мера уголовно-процессуального принуждения – обязательство о явке (ст. 112 УПК РФ), которая может быть использована как отдельно, так и в совокупности с мерой пресечения. Наверное, есть какой-то смысл в том, что сделал законодатель, но к этому вопросу мы вернемся позже.

Перечень запретов, которые могут быть использованы в рамках рассматриваемой меры пресечения, содержится в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ. К ним относится следующее:

1) выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором лицо проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях;

2) находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них;

3) общаться с определенными лицами;

4) отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;

5) использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»;

6) управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Эти запреты не новы для уголовного судопроизводства. Значительная их часть применялась в рамках такой меры пресечения, как домашний арест. Возможно, поэтому законодатель вынужден был существенно скорректировать и ст. 107 УПК РФ. Так, ч. 7 этой статьи вместо перечисления ограничений, устанавливаемых судом обвиняемому, теперь содержит отсылку: она адресует правоприменителя к ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, содержащей перечень запретов, возможных для применения в рамках новой меры пресечения. Кстати, в ст. 107 УПК РФ произошла и замена терминов. Вместо слова «ограничения» теперь употребляется слово «запреты».

Сейчас сложно судить о том, как указанные запреты будут восприняты правоприменением и насколько эффективным будет их использование. Однако несколько суждений по этому поводу мы считаем необходимым обозначить.

Вызывает интерес соотношение первого из обозначенных запретов с такой мерой пресечения, как домашний арест. В рамках вновь введенной меры пресечения лицу можно запретить выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором оно проживает. Например, запретить покидать квартиру с 15 до 12 часов. В рамках домашнего ареста можно определить время, в течение которого подозреваемый или обвиняемый может находиться вне места исполнения меры пресечения (ч. 9 ст. 107 УПК РФ), например, с 12 до 15 часов. В чем тогда разница? Особенно если учесть, что теперь при использовании домашнего ареста, могут применяться запреты, указанные в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

Имеются некоторые сомнения относительно сферы действия последнего из обозначенных запретов. Возникает вопрос: о любом ли транспортном средстве здесь идет речь? Так, из текста уголовного закона

видно, что транспортные средства могут быть водными, воздушными, механическими и др. Отдельно обозначаются трактора, самоходные дорожно-строительные и иные самоходные машины, а также транспортные средства, на управление которыми в соответствии с законодательством РФ о безопасности дорожного движения предоставляется специальное право. А еще существуют такие, на управление которыми специального права не требуется. Имеются и иные нюансы. На наш взгляд, данное предписание закона потребует особого комментария или разъяснения.

Здесь же имеется вопрос: а почему запрет касается только управления транспортным средством? Не исключено, что производство по уголовному делу может касаться деятельности, связанной с оказанием услуг так называемыми самозанятыми гражданами (например, в сфере обучения, воспитания, выполнения различного рода небезопасных работ (сварочных, монтажных) и пр.). Возможно, потребуется приостановление и их деятельности. На наш взгляд, здесь есть о чем подумать.

Интересно и то, что обозначенные в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ запреты теперь могут быть применены и при использовании такой меры пресечения, как залог. Законодатель внес в связи с этим корректировки и в ст. 106 УПК РФ. Кроме того, в ст. 97 УПК РФ появилась часть 1.1 следующего содержания: «В случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, при избрании меры пресечения в виде залога суд вправе возложить на подозреваемого или обвиняемого обязанность по соблюдению одного или нескольких запретов, предусмотренных частью 6 статьи 105.1 настоящего Кодекса, а при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста одного или нескольких запретов, предусмотренных пунктами 3–5 части шестой статьи 105.1 настоящего Кодекса».

Такой подход, использованный законодателем, представляет интерес в теоретическом плане. Традиционно считалось, что при производстве по уголовному делу в отношении подозреваемого или обвиняемого одновременно может быть применена только одна из мер пресечения. На это однозначно указывает и ч. 1 ст. 97 УПК РФ, а точнее словосочетание «одну из мер пресечения...», которое в ней содержится.

Однако в теории уголовного процесса звучат предложения об отказе от доктринального запрета на одновременное использование двух мер пресечения⁹. Необычный взгляд на этот вопрос предлагает

М.А. Подольский. Автор отмечает, что демократические принципы уголовного процесса позволяют лицу, осуществляющему расследование, в пределах предоставленных ему полномочий возбуждать перед судом ходатайство об избрании, как альтернативы заключению под стражу, двух более мягких взаимосогласованных (двойных) мер принуждения, не связанных с лишением свободы (например, домашний арест и залог)¹⁰. С таким мнением соглашается Р.Г. Бикмиев¹¹. Но указанный автор делает оговорку о том, что «приверженцы буквы закона о применении только одной меры пресечения могут нас упрекнуть в расширительном и безосновательном оправдании двух мер принуждения. Однако УПК РФ не запрещает применить одну меру пресечения и несколько иных мер принуждения ст.ст. 106, 107, 108, 109, 112, 113, 114, 115 УПК РФ»¹².

На сегодняшний день образовалась ситуация, когда мера пресечения (запрет определенных действий) может быть применена как самостоятельно, так и в сочетании (причем, различном) с другими мерами пресечения.

Если учесть, что для большинства мер пресечения существует еще одна общая обязанность для подозреваемого и обвиняемого своевременно являться по вызовам должностных лиц, в чьем производстве находится уголовное дело, то можно ожидать и дальнейшее развитие законодательства в этой сфере. В частности, не исключаем возможности закрепления в УПК не самостоятельных мер пресечения, а отдельных ограничений и запретов, которые следует в различном сочетании подбирать для конкретного производства по уголовному делу и конкретного обвиняемого. Таким образом, можно максимально учесть всю специфику и индивидуальность конкретной жизненной ситуации и, используя принцип конструктора «Lego», сформировать акт индивидуального правоприменения. Кажется, что это из области фантастики? Поживем – увидим.

Закрепляя механизм использования запрета определенных действий, законодатель указывает, что эта мера пресечения применяется в порядке, установленном ст. 108 УПК РФ. При этом обозначается ряд особенностей, которые связаны с видом и размером наказания, квалификацией преступления, возрастом подозреваемого или обвиняемого, а также собственно с запретом определенных действий (ч. 2 ст. 105 УПК РФ). Эти особенности указаны в ч.ч. 3–5, 7 ст. 105.1 УПК РФ. И хотя относительно процедуры

применения запрета определенных действий законодатель сделал общую отсылку к ст. 108 УПК РФ, многие правила из этой статьи он продублировал в специальной норме, хотя мог отдать это на усмотрение правоприменителя, вспомнив об аналогии в праве и т.п. Правда не всегда такое дублирование удачно, но будем надеяться на то, что оно положительно скажется на правоприменении.

К общим правилам, проистекающим из содержания ст. 108 УПК РФ, но адаптированным для запрета определенных действий, можно отнести требования, предъявляемые к деятельности инициатора избрания этой меры пресечения (ч. 3 ст. 105.1 УПК РФ), решениям судьи по поставленным перед ним вопросам (ч. 4 ст. 105.1 УПК РФ), действиям судьи, принявшего решение и требования к вынесенному им постановлению (ч. 5, 7 ст. 105.1 УПК РФ). К специальным правилам следует отнести определение судом отдельных аспектов применяемой меры (степень и виды запретов, сроки их действия, иные условия (ч.ч. 8–10, 12 ст. 105.1 УПК РФ), порядок контроля за соблюдением данной меры пресечения (ч. 11 ст. 105.1 УПК РФ), последствия, связанные с нарушением ее исполнения (ч. 13 ст. 105.1 УПК РФ).

В рамках одной статьи невозможно охватить все вопросы, имеющие место в этой области. Поэтому, завершая, обратим внимание еще на одно обстоятельство. Выше мы отмечали, что введение новой меры пресечения повлекло серьезные изменения и дополнения в других частях закона. В первую очередь это касается таких мер пресечения, как залог и домашний арест. На эти корректировки необходимо обратить внимание, дабы не допустить ошибок и нарушений в применении закона. ■

Библиографический список

1. Федеральный закон от 18.04.2018 N 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» // СЗ РФ. 2018. N 17. Ст. 2421.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 29.07.2018) // СЗ РФ. 2001. N 52 (ч. I). Ст. 4921.
3. Уголовно-процессуальный закон Латвийской Республики / Под общ. ред. и с пояснением М. Шешукова; неофиц. пер. с латыш. К. Шешукова. Рига: Балт. рус. ин-т, 2005. 368 с.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь / Предисл. В.И. Рохлина, А.П. Стуконова; обзор.

ст. А.А. Данилевича. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 602 с.

5. Уголовно–процессуальный кодекс Республики Армения: офиц. изд. Ереван: Министерство юстиции РА, 2004. 234 с.

6. Уголовно–процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. N 907–IQ [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420280 (дата обращения: 20.07.2018).

7. Уголовно–процессуальный кодекс Украины: науч.–практ. комментарий / Под ред. В.Т. Маляренко, Ю.П. Аленина. Харьков: Одиссей, 2003. 960 с.

8. Модельный уголовно–процессуальный кодекс для государств участников СНГ (Принят на VII Пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи Содружества Не-

зависимых Государств 17 февраля 1996 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://iacis.ru/activities/documents/> (дата обращения: 20.07.2018).

9. Бикмиев Р.Г. Временное отстранение от должности подозреваемого или обвиняемого в уголовном судопроизводстве: сущность, значение и правовые последствия: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2015. 368 с.

10. Подопольский М.А. Судебные решения в досудебном производстве по уголовному делу (вопросы теории и практики): Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. 273 с.

11. Фетищева Л.М. Применение мер пресечения при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. 19 с.

¹ Федеральный закон от 18.04.2018 N 72–ФЗ «О внесении изменений в Уголовно–процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» // СЗ РФ. 2018. N 17. Ст. 2421.

² Модельный уголовно–процессуальный кодекс для государств участников СНГ (Принят на VII Пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи Содружества Независимых Государств 17 февраля 1996 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://iacis.ru/activities/documents/> (дата обращения: 20.07.2018).

³ Уголовно–процессуальный закон Латвийской Республики / Под общ. ред. и с пояснением М. Шешукова; неофиц. пер. с латыш. К. Шешукова. Рига: Балт. рус. ин–т. 2005. 368 с.

⁴ Уголовно–процессуальный кодекс Республики Беларусь / Предисл. В.И. Рохлина, А.П. Стуконова; обзор. ст. А.А. Данилевича. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 602 с.

⁵ Уголовно–процессуальный кодекс Республики Армения: офиц. изд. Ереван: Министерство юстиции РА, 2004. 234 с.

⁶ Уголовно–процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. N 907–IQ [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420280 (дата обращения: 20.07.2018).

⁷ Уголовно–процессуальный кодекс Украины: науч.–практ. комментарий / Под ред. В.Т. Маляренко, Ю.П. Аленина. Харьков: Одиссей, 2003. 960 с.

⁸ Уголовно–процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174–ФЗ (ред. от 29.07.2018) // СЗ РФ. 2001. N 52 (ч. I). Ст. 4921.

⁹ Фетищева Л.М. Применение мер пресечения при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. 19 с.

¹⁰ Подопольский М.А. Судебные решения в досудебном производстве по уголовному делу (вопросы теории и практики): Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. С. 12.

¹¹ Бикмиев Р.Г. Временное отстранение от должности подозреваемого или обвиняемого в уголовном судопроизводстве: сущность, значение и правовые последствия: Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2015. С. 167–168.

¹² Там же. С. 60.

**PROHIBITION OF CERTAIN ACTIONS: SOME REFLECTIONS AFTER
THE INTRODUCTION OF A NEW MEASURE
OF RESTRAINT IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF RUSSIA**

P. G. Marfitsin

Doctor of Sciences (Law), Professor of the Department of Criminal Law and Procedure,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

A review is presented of a new measure of restraint in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: «Prohibition of certain actions». Based on a comparative legal analysis, the peculiarities of the mechanism for prohibiting certain actions in the domestic legal system are highlighted. A distinction is made between the prohibition of certain actions and other measures of restraint. The main technical and legal drawbacks of this innovation are identified.

Keywords: measures of restraint, prohibition of certain actions, criminal procedural legislation.